

Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1975. – 543 с.

13. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. - 596 p.

14. Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991.-1791 p.

15. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.

Карпенко У. О. Когнітивно-порівняльний етимологічний метод дослідження першокореня. У статті вивчається когнітивно-порівняльний етимологічний метод дослідження першокореня, визначаються етапи визначення першокореня.

Ключові слова: метод, першокорінь, етимологія.

Karpenko U.A. cognitive-comparative etymologic method of the primary root's studying. The article deals with cognitive-comparative etymologic method of the primary root's studying. The steps of the primary root's research are defined.

Key words: method, primary root, etymology.

Салахатдинова Э. Ш.

Национальный авиационный университет

СЕМАНТИЗАЦИЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

Рассмотрены особенности семантизации крылатых слов и выражений на этапе зарождения жанра словарей крылатых слов.

Ключевые слова: семантизация, способы семантизации, пословицы, поговорки, фразеологизмы.

Во второй половине XIX века под влиянием книги немецкого филолога Г. Бюхмана «Geflygelte Worte», вышедшей в Германии в 1964 году и впоследствии многократно издававшейся, в русскую лексикографическую практику входит термин *крылатые слова*. К

концу XIX века в русистике уже сложились условия для становления теории и практики лексикографирования устойчивых словосочетаний и крылатых слов и выражений (далее – КС(в)). Поэтому огромная популярность словаря Г. Бюхмана не могла не вызвать появление подобных словарей и в России. Этот период, как отмечают исследователи В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова, Л. П. Дядечко и др., является началом зарождения и развития жанра словарей крылатых слов в восточнославянской лексикографии.

Целью данной статьи является попытка раскрыть особенности семантизации на начальном этапе эптографии. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить круг словарей, появившихся на данном этапе; 2) выявить способы семантизации устойчивых слов и КС(в); 3) показать динамику их развития и совершенствования, что важно для разработки современных методов эптологического описания КС(в) разных типов.

В 1883 году выходит «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитать, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» И. И. Редникова, явившийся «первой попыткой достаточно полно представить фонд крылатых слов русского языка с учетом их национальных и иностранных корней» [2, с. 50]. Однако следует заметить, что при описании материала, вошедшего в сборник, составитель ориентировался, скорее всего, именно на «учащееся юношество», поэтому «для него важнее лингвистических критериев... были критерии эстетические и воспитательные» [1, с. 4].

И. И. Редников поместил в своем сборнике сначала изречения и цитаты из Священного писания, затем – употребительные речения различных народов и русские обороты, в конце – цитаты и изречения, связанные с всеобщей и русской историей. Абсолютное большинство описанных единиц являются крылатыми выражениями или фразеологическими сочетаниями и устойчивыми сравнениями, поэтому сборник И. И. Редникова можно считать этимологическим справочником русской фразеологии [2, с. 51].

Все изречения из Священного писания помещены с указанием их источника и/или их греческих, латинских (иногда немецких, итальянских, датских и др.) параллелей. В некоторых статьях о библеизмах присутствуют русские пословицы или поговорки. Анализ таких статей показывает, что включение автором пословично-поговорочных выражений, вероятно, либо способствовало раскрытию их этимологии, либо выступало в качестве толкующей части, напр.: ***Не судите, да не судимы будете*** «(Ев. Мат. VII, 1) – русск. посл. “не

суди другихъ, да не осудишься отъ нихъ”»; *«Отъ искры огненныя умножаются угліе»* (Пр. I. Сир. XI, 32) <...> русск. посл. “мала искра велики вещи сожигаетъ”» [6, с. 12; 14]. Если выражение могло быть использовано в переносном значении, то И. И. Редников обязательно указывал на это, напр.: выражение *скрывать талантъ свой въ землѣ* «взято изъ Ев. Мат. XXV, 25. Слово «талантъ» кромѣ извѣстной суммы денегъ означаетъ «богатство», а в переносномъ значеніи «способности»; отсюда слѣдовательно приведенное выражение значить: зарывать свои способности въ землю» [6, с. 16].

Устойчивые обороты толкуются автором выборочно. К примеру, такие КВ, как *умываю въ неповинныхъ руцѣ мои; юдоль плачевная; ядый акриды и медь дикій; око за око и зубъ за зубъ* [6, с. 17; 18; 24] и др. включены в сборник без толкований. В целом, семантизация библейских выражений осуществлялась такими способами:

1) способом цитации, напр.: *зеница ока* «(Пс. XVI, 8: сохрани мя яко зеницу ока)»; *Богъ дал, Богъ и взялъ* «(Іов. I, 21: «Господь даде: Господь отъялъ»)» [6, с. 8; 2]. Можно сказать, что такой способ близок к переводному способу;

2) историко-этимологическим, напр.: выражение *на седьмомъ небѣ* «взято или изъ Корана или изъ вѣрованій позднѣйшихъ Евреевъ, которые дѣляютъ небо на семь градацій, тогда какъ древніе Евреи признавали только три неба» [6, с. 15];

3) описательно-денотативным, напр.: *нести крестъ свой* «(Ев. Мат. XVI, 24 и др.) – говорится о человеке, испытывающемъ несчастія, бѣды и т. п.» [6, с. 13].

Употребительные речения различных народов помещены в сборнике автором с указанием происхождения выражения и переводом на русский и /или латинский, реже английский, французский, немецкий и другие языки. Толкующая часть статьи греческих выражений представляет собой обычный перевод фразы на русский язык и /или аналогичное ходячее русское изречение, напр.: *Одна ласточка не дѣлаетъ весны; Тысяча одна ночь; Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ* [6, с. 26; 30]. В состав некоторых толкований включена справочная информация о возникновении оборота в виде краткого пересказа истории, мифа или легенды, напр.: *центръ, пупъ земли*, – «говорится о Дельфійскомъ оракулѣ, какъ религіозномъ центрѣ Эллады, гдѣ... находился большой

полукруглый камень, вѣроятно метеорный, который, по понятію грека, и былъ дѣйствительно пупом земли. У христіанскихъ народовъ такимъ центром и пупом земли считается Іерусалимъ, и именно мѣсто гроба Господня» [6, с. 27]. Иногда И. И. Редниковъ подтверждает частоту употребленія оборота примерами из произведеній (см., напр. [6, с. 20⁽¹¹⁾; 19⁽¹⁰⁾ и др.]). В концѣ отдела размещены имена собственные, взятые из греческаго языка и обратившіеся «въ нарицательныя и присловичныя» [6, с. 31] (всего 8): *Менторъ; Несторъ; Пенелопа; Платонъ; Панический страх; Платоническая любовь* и др. Все они имеютъ при себѣ описательныя толкованія, включающіе пояснительныя элементы различнаго характера, напр.: *Несторъ* «изъ Пилоса старецъ, участвовавшій въ Троянской войнѣ, отличался какъ опытный совѣтникъ. Поэтому каждаго опытнаго старика называютъ Несторомъ»; *Платоническая любовь* — «духовная, чуждая чувственныхъ стремленій, названа такъ потому, что Платонъ въ своемъ діалогѣ заставляетъ Павзанія опредѣлять ее этимъ именемъ» [6, с. 32; 33]. Необходимо заметить, что фактически в этихъ статьяхъ используются два способа — лингвистическій (описательный) и энциклопедическій.

Довольно большой отделъ в сборникѣ посвящен латинскимъ выраженіям, основная часть из которыхъ является крылатыми. И. И. Редниковъ не только паспортизируетъ выраженіе, но и сопровождаетъ его историческою и этимологическою справками, напр.: «*Alea jasta est... жребій брошенъ!* (Слова Юлія Цезаря при переходѣ его черезъ Рубиконъ)»; «*O sancta simplicitas! (o святая простота!)* воскликнулъ въ 1415 г. Іог. Гуссъ на кострѣ, когда увидѣлъ, какъ одна старуха, ослѣпленная религіознымъ фанатизмомъ, принесла на костеръ свой кусокъ дерева. Сверхъ того это изреченіе встрѣчается и въ Церковной Исторіи Евсевія въ рассказѣ о первомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Никее, когда одинъ исповѣдникъ словами: «*sancta simplicitas*» заставилъ замолчать и покориться неодолимаго дотолѣ философа» [6, с. 35; 67].

Толкованія латинскихъ КС(в), представленныя И. И. Редниковымъ, очень разноплановы: отъ краткаго перевода до довольно большихъ статей, содержащихъ разнообразную справочную информацию и иногда иллюстративную часть, где составитель демонстрируетъ

употребление данного выражения другими авторами в своих произведениях.

В отдел «Русскія цитаты и изреченія» вошли 484 единицы из отечественной литературы, основная масса которых представлена без толкований. Лишь имена собственные, ставшие нарицательными, имеют при себе толкования (*Митрофанушка*; *Обломовъ*; *Собакевичъ*), а также несколько пословично-поговорочных образований (*Не убивъ медвѣдя, кожу не продаютъ*; *Попаль какъ куръ во щи* [6, с. 177; 185]) и КВ (*Лебедь, щука и ракъ*; *прокустово ложе* [6, с. 170–171; 187]).

Семантизация пословично-поговорочных выражений представлена в виде справок историко-этимологического характера, напр.: *Попаль какъ куръ во щи* – «(пог.) хотя правильнѣе было бы сказать: «попаль какъ ворона в французкій супъ», потому что очевидцы... рассказываютъ, какъ въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту – стрѣлять воронъ, и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux» [6, с. 185]. Семантизация устойчивых оборотов и имен нарицательных, образованных от собственных, осуществлялась:

1) историко-этимологическим способом, напр.: *прокустово ложе* – от греч. *Прокруст*, «который клалъ свои жертвы на желѣзную кровать и вытягивалъ или укорачивалъ тѣло по его величинѣ» [6, с. 187];

2) синонимическим (через сочетание «употребляется (синонимомъ)»), напр.: *Обломовъ* «употребляется синонимомъ облѣнившихся до неподвижности и обрюзгливости костей»; *Собакевичъ* – «синонимъ “прижимистаго человѣка”, “кулака”» [6, с. 179; 190];

3) ситуативно-определятельным, напр.: *Лебедь, щука и ракъ* «употребляется, когда хотять показать отсутствіе согласія участниковъ въ какомъ нибудь дѣлѣ»; см. также *Я видывалъ частенько, что рыльце у тебя в пуху* (Крыл.) – «говорится на счетъ темной наживы» [6, с. 170–171; 200];

В 1891 году известный этнограф и писатель С. В. Максимов издает сборник «Крылатые слова», целью которого было обращение исключительно к тем выражениям отечественной речи, которые «имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок...» [3, с. 6]. Книга

представляет собой собранные автором рассказы, в которые включены народные поверья, притчи, сказки и т. п.

«Из 516 слов и оборотов, которые с разной степенью полноты описаны в сборнике С. В. Максимова, лишь отдельные можно отнести к крылатым...», — отмечает С. Г. Шулежкова [1, с. 5]. Основная масса включенных в сборник «темных слов и непонятных выражений» [3, с. 7] представляет собой единицы типа *очная ставка*; *показать Москву в решето*; *кутить на всю Ивановскую* [4, с. 81; 92; 115]. Однако среди описанных автором устойчивых образований есть и фразеологизмы (*бить баклуши*; *собаку съел*; *выносить сор из избы* и др. [4, с. 26; 168; 174]), и КВ (*погибоша, аки обри*; *гора родит мышь*; *шемякин суд* и др. [4, с. 47; 107; 116]).

Не все из представленных С. В. Максимовым устойчивых оборотов толкуются и лингвистически точно квалифицируются. При семантизации фразеологических единиц автор использовал только два способа:

1) описательный способ, напр.: *собаку съел* — «тот, кто изучил до тонкости или искусства какую-нибудь науку, ремесло, торговый промысел, мастерство и тому подобное...» [4, с. 168];

2) ситуативно-определяющий способ, напр.: *ни кола — ни двора* — «употребляется в крестьянском быту для обозначения человека, не имеющего недвижимого имущества и живущего личным трудом...» [4, с. 207].

При семантизации КВ автор чаще всего использует историко-этимологический способ толкования, напр.: «кривосуд называется *шемякиным судом* в память Василия Шемяки, князя галицкого, который ослепил двоюродного брата Василия Темного, чтобы завладеть Москвой» [Максимов 2010: 116]; или же просто сопровождает КВ небольшим уточнением, напр.: «*над юдолию плачевною* (то есть над долом, или долиной, Иосафатовой)» [4, с. 118].

М. И. Михельсон, опубликовавший сборник «Меткие и ходячие слова...» (1892; второе изд. — «Ходячие и меткие слова...», 1896), «сделал значительный шаг вперед в методике описания крылатых единиц» [1, с. 6], дав подробный лингвистический анализ языковым единицам разных типов — пословицам и поговоркам, русским и иностранным цитатам, образным оборотам и сравнениям. «В результате многоаспектного описания языковых феноменов возник синкретический словарный жанр, сочетающий в себе характеристики энциклопедического, толкового, этимологического, русско-

иноязычного, а также элементы иноязычно-русского словаря» [2, с. 56].

Автор в своем сборнике разместил словарные статьи в алфавитном порядке, указал первоисточник описываемых языковых единиц, проиллюстрировал частоту их употребления примерами из большого количества тестов, «где считать не лишним», дал «соответствующія объясненія» [5, с. X]. Как показывает анализ словарного материала, автор сопроводил устойчивые выражения краткой семантической характеристикой (чаще всего в скобках). В некоторые словарные статьи включена справочная информация в виде краткого пересказа истории, легенды или мифа. При семантизации «ходячих и метких», т. е., по сути, крылатых выражений М. И. Михельсон использовал:

1) описательный способ, напр.: «*Лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду* (отсутствие согласия)»; «*на седмомъ небѣ (быть)* – (высшая степень радостного возбужденія)» [5, с. 185; 230];

2) описательно-перечислительный способ, напр.: «*Вавилонское столпотвореніе* (иноск. беспорядок, безтолковый шумный разговор)»; «*воздушные замки (строить)* – грезы, мечтанья о несбыточномъ» [5, с. 31; 39];

3) синонимический способ (встречается редко), напр.: «*за тридевять земель* (далеко)»; «*изъ мухи слона дѣлать, изъ блохи верблюда* (преувеличивать)» [5, с. 123; 159];

4) перечислительно-синонимический способ, напр.: «*вилять (вертѣть) хвостом* (уклоняться, хитрить, вывертываться)»; «*гомерический смѣхъ* (непотухаемый, неудержимый, несказанный)» [5, с. 36; 77–78];

5) родо-видовой способ, который обычно дополнял цитатами из библейских текстов или исторической справкой, напр.: «*авгиевы конюшни* = накопившіеся годами беспорядки, требующіе большихъ усилий для устраненія ихъ»; «*ноевъ ковчегъ* (населенный разными животными, иноск. помещеніе, населенное всякимъ сбродомъ безъ разбора)» [5, с. 2; 271];

6) цитатный способ, которым, в основном, толковались устойчивые выражения библейского происхождения, напр.: «*блудный сынъ; бѣденъ какъ Лазарь; гласъ вопіющаго въ пустынѣ; зѣница ока; нести крестъ свой*» [5, с. 19; 29; 73; 132; 260];

7) отсылочный способ, функцией которого было, как правило, указание на синонимичное по значению выражение, напр.: «*Въ семьѣ не безъ урода*. См. Нѣтъ правила безъ исключенья»; «*Не все то золото, что блеститъ*. См. Наружный видъ обманчивъ» [5, с. 59; 241].

В сборник включены имена собственные литературных персонажей, исторических и мифологических лиц, получившие широкое употребление в нарицательном значении. Семантизация их осуществлялась:

1) родо-видовым способом, напр.: «*Донъ-Кихотъ* (сумасбродный защитникъ устарѣлыхъ взглядовъ)»; «*Отелло* (ревнивый мужъ)» [5, с. 96; 298];

2) описательно-перечислительным способом, напр.: «*Амфитрионъ* (радушный хозяинъ, хлѣбосоль)»; «*Лиса Патрикѣвна* (иноск. человѣкъ пронырливый, двуличный)» [5, с. 6; 187];

3) синонимическим способом, напр.: «*Геркулесъ* (силачъ)»; «*Донъ-Жуанъ* (синонимъ неугомиаго искателя любовныхъ приключеній и – развратника)» [5, с. 6; 95];

4) перечислительно-синонимическим способом, напр.: «*Обломовъ* (лѣнивый, апатичный)»; «*Плюшкинъ* (скупой, скряга, скарденый)» [5, с. 277; 317].

Необходимо отметить, что такое разнообразие способов семантизации, глубокое проникновение в семантику словооборотов выгодно отличает данное издание от других и может поставить его на один уровень со словарем В. И. Даля и БАС.

Важным событием для русской паремиографии стала книга И. Е. Тимошенко «Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ» (1897), представляющая собой, по мнению автора, «первую попытку изслѣдовать прототипы и оригиналы русскихъ пословицъ, находящіяся въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, а также въ сборникахъ древнихъ и средневѣковыхъ пареміографовъ» [7, с. XI]. В своей работе И. Е. Тимошенко предпочел хронологический порядок систематическому и алфавитному – выстроил описанные единицы по источникам, что, по убеждению автора, является более естественным и удобным [7, с. XX].

Автор указывает на первоисточники устойчивых выражений, их эквиваленты в русском или других языках, частоту употребления в речи и т. п., однако не отделяет фразеологические единицы и КВ от обычных пословиц и поговорок типа *волка ноги кормят; новых друзей наживай, а старых не забывай* [7, с. 159; 165]. Практически все описанные фразеологизмы и КВ имеют при себе толкования. При семантизации этих устойчивых выражений И. Е. Тимошенко использовал, в основном, следующие способы:

1) описательный, напр.: *«плясать по чьей либо (по чужой) дудкѣ»* означает: действовать не по собственной волѣ, а по произволу другого, вообще подчиняться кому, особенно по неволѣ»; *«отъ младых ногтей, ...т. е. съ самага нѣжнаго возраста»* [7, с. 25; 105] и др.;

2) денотативно-описательный, напр.: *«изъ одного тѣста»* (испечены, или вылѣплены), говорим мы о людяхъ одинаковаго характера (обыкновенно въ дурному смыслѣ), сравнивая людей съ хлебами»; *строить воздушные замки* – «мы примѣняемъ къ человѣку, преданному пустымъ мечтамъ и несбыточнымъ надеждамъ» [7, с. 123; 147] и др.;

3) ситуативно-определятельный, напр.: «для обозначенія критическаго момента, или опаснаго положенія, грозящаго ежеминутно разрѣшиться несчастьемъ, у нас употребляются поговорки: *висѣть на волосѣ, висѣть на тонкой ниткѣ*»; *«буря въ стаканѣ воды»*, говоримъ мы для обозначенія пустячнаго, не стоящаго вниманія дѣла, возбудившаго много шуму» [7, с. 99; 67] и др.

Из вышеизложенного можно сделать *вывод* о том, что все созданные лексикографические издания конца XIX века обладают чертами компилятивности, но, несмотря на это, происходит активная разработка различных способов семантизации КС(в) в соответствии с активизацией процесса развития теории и практики лексикографирования устойчивых словосочетаний. *Перспективу* дальнейшего изучения способов семантизации КС(в) составляет анализ специальных словарей XX века.

Литература:

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. / под. ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. –

Магнітогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitdt, 2009. – Т. I.

2. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: Монография. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002 – 294 с.

3. Максимов С. В. [1890] Крылатые слова / Послесл. С. Плеханова; прим. Н. Ашукина. – Стереотип. изд. – Н. Новгород, 1996.

4. Максимов С. В. Крылатые слова. – СПб.: ИД «Авалонь», Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 416 с.

5. Михельсон М. И. Ходячія и мѣткія слова: Сборник русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословиць, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдельныхъ словъ (иносказаній). – Второе пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1896.

6. Редниковъ Ил. Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ, и т. п. различныхъ временъ и народовъ с историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. – Вятка: Типографія Куклина, бывшая Красовскаго, 1883.

7. Тимошенко И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословиць и поговорокъ. – Киевъ: Типографія Петра Барскаго, 1897.

Салахатдінова Е. III. Семантизація крилатих слів та виразів у спеціальних словниках XIX ст. Розглянуто особливості семантизації крилатих слів та виразів на етапі виникнення жанру словників крилатих слів.

Ключові слова: семантизація, способи семантизації, прислів'я, приказки, фразеологізми.

Salahatdinova E. Semantization of winged words and expressions in special dictionaries (XIX century). The features of semantization of winged words and expressions at the stage of genres emergence of winged words dictionaries are considered.

Keywords: semantization, methods of semantization, proverbs, idioms.